

УДК 94(571.17):28

История мусульманской махалли г. Прокопьевска

М. Р. Кантиков,

*Российский исламский институт,
г. Прокопьевск, Российская Федерация*

The history of the Muslim Mahalla of Prokopyevsk

M. R. Kantikov,

*Russian Islamic Institute,
Prokopyevsk, the Russian Federation*

Аннотация

В статье рассматривается история возникновения и становления мусульманской махалли г. Прокопьевска Кемеровской области в период с 1930-х гг. по настоящее время. Прослеживается динамика сохранения этнорелигиозной идентичности татаро-башкирской диаспоры в советский и постсоветский период, вдали от малой Родины и в немусульманской среде. В статье приведены исторические факты, связанные со сложным взаимодействием мусульман с Советской властью в период насаждения атеизма, в годы Великой Отечественной войны, «хрущевский» период и времена перестройки. Статья написана на основе архивных источников, интервью со старожилами и родственниками религиозных деятелей, полученных в ходе полевых этнографических исследований.

Abstract

The article deals with the history of the establishment and development of the Muslim Mahalla in Prokopyevsk, Kemerovo region from the 1930s to the present day. The article analyzes the dynamics of the preservation of the ethnoreligious identity of the Tatar-Bashkir Diaspora during the Soviet and post-Soviet periods away from their small motherland and within the non-Muslim environment. The paper describes the historical facts related to the complex interaction of Muslims and the Soviet government during the period of the atheistic propaganda implementation, the Great Patriotic War, the Khrushchev period and the times of Perestroika. The article is based on archival sources and interviews with old inhabitants and relatives of religious leaders which were obtained during ethnographic fieldwork.

Ключевые слова

Мусульмане, этно-религиозная идентичность, татары, башкиры, Прокопьевск, Кузбасс, Кемеровская область.

Keywords

Muslims, ethnoreligious identity, Tatars, Bashkirs, Prokopyevsk, the Kuzbass, Kemerovo region.

Время возникновения мусульманской общины г. Прокопьевска связано со сложным и противоречивым периодом нашей страны, а именно, с индустриализацией и коллективизацией 30-х годов XX в.

Попытка написать историю мусульманской общины г. Прокопьевска предпринимались С.Л. Кучумовым, в книге «История ислама в Кемеровской области», где есть раздел о мусульманах г. Прокопьевска, и в совместной статье А.Н. Старостина и Т.А. Бикчантаева «Мусульманская община г. Прокопьевска». Однако в этих работах больше внимания обращалось на историю становления мусульманской общины в предвоенный период. Нам бы хотелось более подробно остановиться на эволюции развития мусульманской общины г. Прокопьевска вплоть до наших дней.

Формирование татаро-башкирской диаспоры в этих краях относится к началу 30-х годов XX в. Это были так называемые «спецпереселенцы», иначе говоря, крестьяне, репрессированные в ходе коллективизации в Башкирской и Татарской республиках, среди которых были как татары, так и башкиры. Сейчас их потомки, в основном, говорят на татарском и называют себя татарами. Но если спросить их про предков, то выясняется, что многие из них были башкирами.

По рассказам современных потомков спецпереселенцев, их предки относились к крепким крестьянам-хозяевам, умеющим вести свое дело, с устойчивыми традиционными мусульманскими ценностями в общественных и семейных отношениях. Большинство собеседников на вопрос как их предки оказались в г. Прокопьевске отвечают примерно одинаково: «Зачислили в “кулаки”, вот и выселили». Так, рассказывая о судьбе своих родителей, Манзара Хамитовна Закирова (Хуснулина) говорит, что работников родители не нанимали, работали сами, и земли было немного – усадьба, и скота – конь, корова, овцы. Но все это, вместе с домом, пришлось оставить. Раскулачивали свои же: «Незаконно забрали все хозяйство, и все».

Кого же зачисляли в кулаки? Еще с конца 1920-х гг. для получения средств на индустриализацию государство при сохранении самостоятельности крестьянских хозяйств стало увеличивать обязательные поставки. Значительная доля поставок, так называемые «твердые задания», приходилась на кулацкие хозяйства. Увеличение поставок с «твердыми заданиями» означало возвращение к методам продразверстки. Чтобы не быть зачисленными в кулаки, крестьяне, в первую очередь зажиточные, стали сокращать производство, и хлеба стало не хватать. С конца 1927 г. начался хлебозаготовительный кризис. В 1928 г. были снова введены карточки на продовольствие. Если человек не выполнял положенное задание, он подлежал уголовному наказанию. Имущество осужденных конфисковалось, причем четверть конфискованного отдавалась крестьянам-беднякам.

Вторая волна раскулачивания началась с середины января 1930 г., когда вышло постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Раскулачиваемые делились на три категории. К первой относились участники антисоветских и антиколхозных выступлений (они сами подлежали аресту, а их семьи – выселению в отдаленные районы). Ко второй – «крупные кулаки и бывшие полупомещики, активно выступавшие против коллективизации», их выселяли вместе с семьями в отдаленные районы. К третьей – остальная часть кулаков, подлежавших расселению в пределах районов прежнего проживания. Очевидно, что в Прокопьевск попали семьи, осужденные по первой и второй категориям, имущественное положение которых по постановлениям можно было оценить как «крупные кулаки и бывшие полупомещики».

Но практически никто из потомков репрессированных, с кем довелось говорить, не дает такой оценки имущественному положению своего отца или деда. На вопрос

о размерах хозяйства, они отвечают, что у кого-то и правда были стада и большой земельный надел, но у большинства были лишь корова и лошадь, а у некоторых и того не было. Кулаками в советское время называли и тех, кто использовал труд наемных рабочих. Их осуждали, как эксплуататоров: лишали движимого и недвижимого имущества, высылая на малозаселенные территории Сибири и Севера. Таких среди предков опрошенных тоже почти не было.

Из вышесказанного складывается примерный портрет главы семейства, по чьей «вине» семья оказалась в г. Прокопьевске. Это, в основном, середняк, не согласный с политикой коллективизации. Виноват он в том, что не гулял, не бродяжничал, а содержал семью, прилежно трудился сам на своей земле, ухаживал за своим скотом, давал работу односельчанам.

Попав под каток репрессивной машины и будучи оторванными от родной стороны, культуры, языка, веры, они вынуждены были выживать в Сибири в жутком холоде, голоде, в землянках и бараках, уповая только на себя и Всевышнего. Особо не проявляя активность в сотрудничестве с местной властью, они собирались вместе и тайно молились по домам, тоскуя по прежней жизни, плача, оставшись наедине, о том, в какие лихие времена им уготовано жить. Но и оказавшись в чужом краю, в тяжелых условиях, они выжили.

Галия Хидиятовна Ахмерова (Усманова) так рассказывала об отце: «Все это отбирают, и его в 17 лет, с отцом, с мачехой, сестрой отправляют сюда. Ехали долго. Поезд шел очень медленно. Загоняли его на запасные пути, стояли они там. Люди конечно умирали. А если взрослые умирали, то на остановках их детей снимали с поезда... Приехали они сюда глубокой осенью. Выживших было очень мало. На шахте Черная Гора, куда он пошел работать... были землянки, и у каждой семьи был уголок»¹.

Репрессированным татарам и башкирам, оказавшимся в русском окружении, под давлением атеистической идеологии, не давали в полной мере исполнять свои религиозные обряды. Религиозность осуждалась, высмеивалась и даже наказывалась. При этом нужно понимать, что они находились на спецпоселении: необходимо было жить и работать там, где прикажут, периодически ходить отмечаться к участковому милиционеру, как в наши дни отмечаются условно осужденные. И отмечались все, кроме малолетних детей, вплоть до 1956 г. Что они чувствовали, нам до конца не понять. Боль, обиду, отчаяние, растерянность и непонимание – за что и почему?

Захира Мифтаховна Ахтямова вспоминает, что, рассказывая о молодости, отец плакал, а на вопрос, за что раскулачили, отвечал: «За то, что сами свое хозяйство держали, сами картошку сажали, пшеницу сеяли!» «У них мельница была, – говорит она – пшеницу сеяли, сами работали»².

Но спустя 8-10 лет активность мусульман выросла. Люди свыклись и приспособились, как привыкают к холоду, жаре и другим внешним факторам.

В годы Великой Отечественной войны государство стало лояльнее к верующим. В 1943 г. мусульмане г. Прокопьевска пытались зарегистрировать мусульманскую организацию и открыть мечеть, что подтверждается отчетами уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совмине СССР по Кемеровской области Е. Оленникова за 1940-е гг.: «До 1931 года в Прокопьевске среди сибирских татар не было даже и попытки создания религиозной организации верующих и только с 1931 и 33 года, т.е. с момента прибытия в г. Прокопьевск спецпереселенцев из числа казанских, уфимских и челябинских башкир и татар, которые из указанной местности были сосланы в Сибирь как бывшие кулаки. С прибытием их в Прокопьевский район весь этот контингент в большинстве своем использовался на шахтах по добыче угля, в связи с чем были поселены на специальных поселках – как-то пос[елок] Черная Гора, пос[елок] Калинина, Щербаковский пос[елок]

и Баш[кирский] Поселок. Спустя некоторое время, т. е. в 1944 году, под руководством муллы Зиятдинова Мухамета и Сабитова Сагита была организована инициативная группа верующих мусульман, которая возбудила ходатайство перед местным исполкомом об открытии молитвенного дома в г. Прокопьевске, который и был с разрешения Прокопьевского горисполкома открыт в 1944 году (дата дописана карандашом. – М. К.)»³.

Тогда же было куплено здание по ул. Деловая, д. 14 для совершения пятикратных, джума и гаид намазов. В 1946 г. мусульманская община официально зарегистрировалась. По данным уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совмине СССР по Кемеровской области Е. Оленникова, численность верующих, посещающих пятничный намаз, составляла порядка 70 человек. Общиной руководили двое имамов: Мухаммед Зиятдинов, живший в поселке Черная Речка, и Сагит Сабитов из поселка Щербаковского.

Репрессированные были из разных сел и населенных пунктов, большинство ранее не были знакомы. Но, как говорят, на чужбине и сосед – родственник. Объединившись, они добились цели, и мечеть была открыта. Первым имамом избрали Мухаммеда Зиятдинова, его помощником или вторым имамом стал Сагит Сабитов. Мухаммед Зиятдинов жил в 8-9 километрах от мечети, которая находилась в Башпоселке. Имамы были разновозрастными: Зиятдинову было около сорока, а Сабитову – 73 года. Зиятдинов вел активную деятельность в Прокопьевске и за его пределами, совершая поездки по Кемеровской области и в Уфу. Религиозная деятельность имамов простиралась за пределы г. Прокопьевска, в частности, известно, что татары Юргинского района Кемеровской области приглашали М. Зиятдинова для проведения религиозных ритуалов. Однако в 1948 г. комендантура и уполномоченный запретили имамам совершать религиозные ритуалы за пределами г. Прокопьевска.

По донесениям НКВД, в 1948-1949 гг. между Зиятдиновым и Сабитовым возникло непонимание, произошел раскол. Вокруг первого объединилась молодежь, приехавшая на обучение в ФЗО, а второго поддерживали старики-переселенцы первой волны. О деятельности общины в ту пору говорят отчеты уполномоченного: «При открытии молитвенного дома инициаторы этого предполагали на гораздо большие результаты в части охвата мусульманского населения, живущего на Прокопьевском руднике, и, надо сказать, первое время посещаемость молитвенного дома достигала до 400 чел. В данное же время и особенно после окончания Великой Отечественной войны эта посещаемость верующих значительно сократилась и посещаемость дошла не более 40 человек, как об этом сообщает ст[арший] мулла Зиятдинов, что «наш молитвенный дом сейчас пустует, молодежь почти к нам не ходит, молитвенный дом содержать почти не на что, я, например, получаю 300 руб. в месяц, а второй мулла Сабитов этот живет просто, кто сколько даст, прощсе говоря, почти на милостынях», далее мулла заявляет: «я намерен из Прокопьевска уехать, т. к. жить нечем, работать не могу, стал стар, а на дальнейшее увеличение надеяться не приходится»⁴.

По рассказам старожил, в 1948 г. Мухаммед Зиятдинов обратился к прихожанам с просьбой о сборе садака (пожертвования) на ремонт и содержание мечети. «Отец рассказывал, что в тот день сидели все шахтеры и кто-то сказал, что имам мечети М. Зиятдинов обратился за помощью, чтобы собрать деньги на ремонт мечети. Пустили шапку по кругу и много насобирали, а позже узнали, что он уехал вместе с этими деньгами. И так ремонт не сделали, а мечеть закрыли. А отец все боялся, что за ним придут, ведь он был инициатором и собрал деньги... и ему передал. Боялся, что милиция его заберет и допрашивать будут за эти деньги, но все обошлось»⁵.

Подобный поступок Зиятдинова заслуживает осуждения, но всех нюансов мы не знаем. Настораживает, во-первых, тот факт, что после инцидента никакого

преследования со стороны милиции и НКВД не последовало. Во-вторых, «в отчетах уполномоченного Е. Оленникова это не прослеживается, наоборот Зиятдинов сам сообщает ему со слов Оленникова, что с Сабитовым работать не может, и просит муфтия, находящийся в Уфе, перевести его в другой приход. Либо сам он собирается уехать»⁶. В-третьих, сценарий мог разворачиваться по-разному: времена были лихие судить и приговаривать могли без суда и следствия, тем более, в отдаленной, глухой Сибири.

В 1950-1980-е гг. в Прокопьевске не было ни одной мечети, но вера не умирала. Молились по домам, собирались всей родней, проводили обряды. Мер противодействия исповеданию ислама пожилыми людьми не было. Но власть препятствовала вовлечению молодежи в религиозные культы. О том, как проводили праздничные, и пятничные намазы рассказала Галия Хидиятовна Ахмерова (Усманова): «Мечети как таковой не было, потому что это все преследовалось при советской власти – атеизм. Поэтому по праздникам пожилые люди, в основном мужчины, собирались в основном у нас, в семье, где ислам соблюдался. Родители это приветствовали. И в праздники Курбан байрам, Ураза байрам, утром у нас дома собирались, как сейчас в мечети. Помню, порой просыпаюсь, открываю глаза, а дедушки стоят читают, они же рано начинали читать».

На вопрос, не приходили ли сотрудники НКВД, наверняка знавшие, что в этот день опять соберутся, женщина с благодарностью вспоминает участкового: знал, конечно, что здесь читается дога, намазы, но преступлений не было, район был тихий, и его это устраивало, с населением он умел договариваться⁷.

С течением времени реальностью становились мечты советских идеологов о том, чтобы вера стала уделом лишь пожилых людей, ассоциировалась только с «бабаями». Старики из числа переселенцев первой волны 1880-1890-х гг. рождения в 1960-1970-х гг. умирали. Следующее поколение, особенно родившиеся после революции 1917 г., хотя не было так вовлечено в религиозную практику, как их отцы, все же различало халяль и харам, умело совершать религиозные обряды: намаз, никах, похороны. А вот поколение 1930-1940-х годов рождения, из числа переселенцев второй волны, оказавшихся на чужбине в 18-20-летнем возрасте, о религии имело смутное представление. Читать арабскую графику и исполнять религиозные обязанности они практически уже не умели. Среди них был большой процент смешанных браков. С таким багажом мусульманская община г. Прокопьевска подошла к 1990-м годам.

1950-1980-е гг., на наш взгляд, стали наиболее сложным испытанием для мусульманской уммы Прокопьевска. Все шло к тому, что при таком темпе ассимиляции через 20-30 лет от татар-мусульман остались бы одни фамилии. Стал исчезать язык. Особая тема – мода на новые, «нейтральные», «интернациональные» имена. Сначала имена изменялись в разговорной речи, особенно на работе, в шахте: Кавый становился Николаем, Альфия – Аллой, Абдулкадыр – Алексеем. Но данные при рождении имена, которые каждому младенцу «бабаи» прокричали в ухо, менять в документах народ побаивался. Когда поколение стариков ушло, каждый сам стал выбирать путь, называя ребенка не «трехэтажным», а более «простым» именем: Раис, Ринат, Дамир, Равиль, Рамиль, Марат и т. д. На свадьбах, похоронах и мероприятиях по случаю рождения младенца начали употреблять алкоголь, есть харам. То, что еще 20 лет назад порицалось, становилось нормой.

Но грянули 90-е, и с распадом СССР у нерусских народов на всем протяжении бывшего Союза начался возврат к этноконфессиональной идентичности. Татары и башкиры Кузбасса начали проводить собрания, на которых создавались мусульманские организации, принимались решения о строительстве мечетей и организации культурных центров, с целью подъема национального и религиозного самосознания. Прокопьевск не был исключением.

Первое собрание мусульман г. Прокопьевска прошло 12 февраля 1994 г. На нем было решено создать махаллу и строить мечеть. Перед мусульманами стояли сложные задачи. Во-первых, призвать народ к вере отцов, к возрождению традиций и обычаев ислама. Во-вторых, начать строительство мечети, определившись, где проводить религиозные обряды и праздники до окончания стройки. Конечно же, одной из самых сложных задач стал поиск средств.

Были внутренние препятствия и в самой общине: «Из двух десятков поселковых мулл, в правление вошли только ныне уже покойные Лутфулла Ахметшин и Анвар Максютов», – сообщает Фасхутдин Аспанович Зайнутдинов⁸. Группа «подпольных» мулл настраивала народ «против», высказывала недовольство избранием одного имама и строительством мечети. Их аргумент: «Мы уже 50 лет без мечети прожили, и ничего». Ф. Зайнутдинов охарактеризовал их позицию так: «Мы не умаляем заслуги поселковых мулл, достойно исполнявших свои обязанности в период царствования атеизма, но не можем не заметить их негативного отношения к становлению местной мусульманской религиозной организации. Видимо звон монет в их карманах был более приятен их слуху»⁹.

К тому времени в каждом районе города, где проживала хоть какая-то значительная община мусульман, был свой мулла или даже несколько. Им не хотелось терять «хлеб», сферу влияния и значимость. Призвать народ к исламу имели моральное право лишь безукоризненно честные и нравственные люди из числа уважаемых и верующих мусульман, но таких было очень мало. На первых собраниях таких активистов было человек 15, но в последующем часть из них в силу возраста отпала, пришли новые люди. В итоге учредителями духовно просветительского общества «Рамазан» стали 12 человек. Руководители общины столкнулись с множеством бюрократических проволочек: с регистрацией, уставом и другими юридическими вопросами.

Первым председателем организации был избран Файль Ахметшин, личность яркая, шахтер, один из тех 16-летних мальчишек, которые в годы войны через ФЗО пришли на шахты Прокопьевска. Имамом стал Василь Зияевич Харисов. В итоге 30 ноября 1994 г., спустя 10 месяцев со времени первого собрания, община стала действующей.

Строительство мечети в ближайшие годы так и не началось, но в 1996 г. мусульманской организации «Рамазан» администрацией города было выделено здание бывшего «Дома малютки», которое мусульмане с радостью приняли, отремонтировали и начали обживать.

«Когда мечеть открыли, – вспоминает Иршат Яфизов, – в нее постоянно, по пятницам ходили 40 стариков, но теперь их уже мало осталось»¹⁰. Таким образом, в 90-х основным джамаатом мечети стали 40 человек, большинство из них – шахтеры-передовики, бригадиры, начальники участков, механики. Тогда им было по 55-65 лет – молодые пенсионеры, отработавшие на предприятиях города не один десяток славных лет. Такой возраст как раз подходит для общественной работы: дети уже взрослые, на работу каждый день ходить не надо. В это время в мечети организуются курсы татарского языка, основ ислама, арабской графики и чтения Корана. Эти курсы стали пользоваться успехом у населения.

«Женщин много ходило: и пожилые и помоложе, как я, в то время 50-60 летние, – рассказывает Минслу Идиятуллина. – Нас Роза-апа учила читать Коран. И дети ходили изучать татарский язык. Потом Салават уроки вел в ДК Ясная Поляна, к нему тоже ходили и молодежь, и дети»¹¹.

В архиве мечети «Махалля-Рамазан» сохранился журнал посещений этих образовательных курсов, в котором указано, что занятия начались 1 октября 1997 г. и проводились три раза в неделю. Журнал содержит список 37 учащихся, из которых лишь пятеро – мужчины, отметки о посещении и пропусках занятий¹².

Образовательный процесс шел полным ходом, и казалось, что возрождение ислама на землях Прокопьевских копей не за горами, но перелома, когда мечеть стала бы заполняться молодежью, пришедшей на смену старикам, так и не произошло. Старики постепенно умирали, а новых прихожан не прибывало.

В 1999 г. имамом избрали молодого прихожанина Равшана Темурова, на которого возлагали большие надежды. Но в 2001 г., как и полвека тому назад, ситуация повторилась. Представители разных поколений не нашли взаимопонимания, и община снова раскололась: на сторонников Темурова и его оппонентов. Плоды раскола, мусульманское сообщество города пожинает и в настоящее время. После ухода Темурова и его немногочисленных сторонников, аксакалы, оставшиеся в здании мечети, избрали имама и председателя. Имамом, как и прежде, стал Василь Зияевич Харисов, а новым председателем Дамир Набиуллинович Идиятуллин. Позже имама переизбрали по состоянию здоровья, новым имамом стал Мухтар Назипович Назипов (1937 г.р.), прослуживший верой и правдой 10 лет в этой должности на благо народа и ислама.

Уроженец деревни Рангазар Сармановского района Республики Татарстан Мухтар Назипович 17-летним мальчишкой устроился на буровую установку. Проработав два года и узнав, что идет набор в Кузбасс, на угольные месторождения, он решает поехать в далекий чужой край. Многие односельчане, уже перебравшиеся в г. Прокопьевск писали, что работа тяжелая, но по сравнению с Татарстаном зарплаты высокие. После 37 лет работы на шахте, Мухтар Назипович вышел на пенсию, но и тут он не остался в стороне от дел. Влившись в мусульманское движение г. Прокопьевска, он участвует в организационных собраниях, мероприятиях. Но чувствует, что имеющихся знаний по исламу ему не хватает. Книг по исламу тогда не было, медресе и мечети уже 70 лет были закрыты. По рассказам супруги имама Борлиант Миннуловны, они выписывали журнал «Казан утлары». Счастью Мухтара Назиповича не было предела, когда в одном из номеров он нашел статью про ислам и напечатанную в ней 36 суру Священного Корана «Йасин». Заучивая статью наизусть, он несколько недель не расставался с журналом. Вот так изучали религию в 90-е годы: по газетным вырезкам, тетрадкам и таким редким книгам, как «Ислам дине йолалары» и «Гыбайдат Исламия». Люди хватались за все, что могли найти, ходили по домам, собирали старинные книги, пытались перевести записи с арабской графики на кириллицу, переписывали друг у друга молитвы, суры из Корана и хадисы.

В 2002 г., по приглашению муфтия ЦДУМ Талгата Таджутдина, Мухтар-хазрат вместе с председателем правления ММРО «Махалля-Рамазан» Дамиром Набиуллиновичем Идиятуллиным отправились в Уфу. По рассказам Мухтара-хазрата, Талгат Таджудтин принял их тепло, по-свойски. Зная, что дорога была нелегкая и долгая, позвал подчиненного и попросил быстро приготовить что-нибудь для гостей. Через несколько минут принесли сковороду жаренной картошки. И они втроем съели всю сковороду. Поговорили, рассказали о той работе которая ведется в г. Прокопьевске. Но Мухтар-хазрат ехал не с пустыми руками. После трапезы он достал тетрадку с вопросами, которые накопились за годы. Ведь был дефицит информации, и когда еще представится случай поговорить и задать вопросы самому муфтию. Талгат Таджудтин дал исчерпывающие ответы на все вопросы. Мухтар Назипович был доволен, ехать домой не с пустыми руками¹³.

Мухтар-хазрат перенес не один инсульт, но всегда излучал позитив и жизнелюбительность. «Всем угодить невозможно, – говорил он, – но я пытался, хотел помочь людям, хотел, чтоб справедливость была, а на все злые языки говорил: «Аллах все видит и знает! Я не держу ни на кого зла»¹⁴.

В 2010 г., в связи с болезнью Мухтара-хазрата, община мусульман «Махалля-Рамазан» избирает имамом Дамира Галлямовича Вафина (1938 г.р.), уроженца

с. Алпарово Республики Татарстан. Дамир Галлямович почетный шахтер, проработал на шахтах города Прокопьевска не один десяток лет. Жизнь мечети шла своим чередом, проводились джума намазы, джаназа и гаит, но прихожан становилось все меньше, и состав уммы не молодец. Это происходило закономерно, ведь время менялось, нужны были новые, современные подходы к людям, новые методики обучения. В век интернета и мультимедийных коммуникаций, научных открытий по-старому подавать информацию уже невозможно. Как ни прискорбно, мечеть со временем превращалась в «кружок по интересам», закрытое сообщество, не готовое принимать новых членов и посвящать их в свою внутреннюю жизнь. Осуждать за это старшее поколение не стоит, оно по-своему старалось сохранить, не потерять веру.

В 2013 г., с приходом молодого имама, в мусульманском сообществе Прокопьевска вновь ожила идея строительства новой мечети, отвечающей современным требованиям и более удобно расположенной. Решение возобновить работу по подбору участка для строительства новой мечети, принятое в 2014 г. на общем собрании ММРО «Махалля-Рамазан», было продиктовано тремя причинами. Во-первых, имеющееся здание находится в собственности у администрации города Прокопьевска, во-вторых, здание 1931 г. постройки, требовало капитального ремонта, который обошелся бы немногим дешевле постройки нового, и в-третьих, мечеть с годами оказалась на окраине города, в труднодоступном, неперспективном районе.

В 2017 г. был выделен земельный участок и получено разрешение на строительство, а в мае 2018 г. был заложен первый символический камень в основание мечети. С началом строительства мусульмане Прокопьевска воспряли духом, ведь это означало, что есть развитие, что традиции, религия и самобытность не забыты. В здании мечети предусмотрено отдельное помещение для размещения библиотеки и музейного уголка, посвященного истории ислама в городе Прокопьевске, а на территории планируется установить мемориальную плиту в память о репрессированных жителях Поволжья и Приуралья.

Погружаясь в историю мусульманской общины Прокопьевска, испытываешь смешанные чувства. Это боль, слезы и разочарование, но это также и слезы радости, воодушевления и гордости за людей, которые перенесли многое на своем веку. История учит нас тому, что в трудной ситуации не нужно отчаиваться, а нужно делать все от тебя зависящее, чтобы вера, язык, история татарского народа не канули в лету, а преумножались. Даже в том, что наши предки в результате раскулачивания попали в Сибирь, есть положительная сторона – ислам дошел до таких далеких мест, как Кузбасс, и сейчас на этой земле есть мечети, звучит азан, и возрождается нравственность.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Интервью с Г.Х. Ахмеровой, жительницей г. Прокопьевска, 1947 г.р., 01.07.2019 г. // Личный архив М.Р. Кантикова.
2. Интервью с З.М. Усмановой, жительницей г. Прокопьевска, 1946 г.р., 04.08.2016 г. // Личный архив М.Р. Кантикова.
3. ГАКО, ф. Р-964, оп. 1, д. 9, л. 42-43.
4. Там же, л. 42-43.
5. Мухаммадеева Х. III. Воспоминания. 10.02.2014. // Из личного архива автора.
6. ГАКО, ф. Р-964, оп. 1, д. 9, л. 42-43.
7. Интервью с Г.Х. Ахмеровой, жительницей г. Прокопьевска, 1947 г.р., 01.07.2019 г. // Личный архив М.Р. Кантикова.
8. Текущий архив ММРО «Махалля-Рамазан» г. Прокопьевска.
9. Там же.

10. Интервью с И.З. Яфизовым, 1938 г.р., 05.08.2016 г. // Личный архив М.Р. Кантикова.
11. Интервью с М.Х. Идиятуллиной, жительницей г. Прокопьевска, 1938 г.р., 29.07.2019 г. // Личный архив М.Р. Кантикова.
12. Текущий архив ММРО «Махалля-Рамазан» г. Прокопьевска.
13. Там же.
14. Там же.

Список литературы

- Бикметов Р.С. Использование спецконтингента в экономике Кузбасса (1929-1956 гг.). – Кемерово: Кузбасский государственный технический университет, 2009. – 430 с.
- Государственно-конфессиональные отношения в России: учеб. пособие / Набиев Р.А., Гафаров А.А., Ибрагимов Р.Р. – Казань: Казан. ун-т, 2013. – Вып. 22. – 204 с.
- История и культура татар Западной Сибири. Монография. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Изд-во «Артифакт», 2015. – 728 с.
- Кучумов С.Л. Ислам в Кемеровской области. – Прокопьевск, 2017. – 176 с.
- Романова И.В., Романова Н.П., Шарова Т.В. «Социальная адаптация как феноменологическая категория» // Вестник ЧитГУ. – 2011. – № 6 (73). – С. 125.

References

- Bikmetov R. S. *Ispolzovanie spetskongingenta v ekonomike Kuzbassa (1929-1956)* [Use of prison population in economy of Kuzbass (1929-1956)]. Kemerovo: Kuzbass State Technical University publ., 2009, 430 p.
- Gosudarstvenno-konfessionalnye otnosheniya v Rossii: ucheb. posobie. Nabiev R. A., Gafarov A. A., Ibragimov R. R.* [Nabiev R. A., Gafarov A. A., Ibragimov R. R. (eds.) Government and religious relations in Russia]. Kazan: Kazan un-ty publ., 2013, release 22, 204 p.
- Istoriya i kultura tatar Zapadnoy Sibiri. Monografiya* [History and culture of the Tatars of Western Siberia. Monograph]. Kazan: Sh. Mardzhani Institute of History, ASRT; Publishing house «Artifact», 2015, 728 p.
- Kuchumov S. L. *Islam v Kemerovskoy oblasti* [Islam in Kemerovo region]. Prokopjevsk, 2017, 176 p.
- Romanova I. V., Romanova N. P., Sharova T. V. "Sotsialnaya adaptatsiya kak fenomenologicheskaya kategoriya" [Social adaptation as a phenomenological category]. IN: *Vestnik ChitGU*, 2011, no. 6 (73), p. 125.

Сведения об авторе

Кантиков Марсель Раисович, магистрант кафедры исламской теологии ЧУВО Российский исламский институт, e-mail: kantikovmars@mail.ru.

About the author

Marsel R. Kantikov, Master's student at Department of Islamic Theology, Private Institution of Higher Education Russian Islamic Institute, e-mail: kantikovmars@mail.ru.

В редакцию статья поступила 21.10.2019, опубликована:

Кантиков М.Р. История мусульманской махалли г. Прокопьевска // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2020. – № 1. – С. 184-192.

Submitted on 21.10.2019, published:

Kantikov M. R. *Istoriya musulmanskoj mahalli g. Prokopyevska* [The history of the Muslim Mahalla of Prokopyevsk]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov*, 2020, no. 1, pp. 184-192.